

ПУТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются перипетии определения идентичности. Акцентируется внимание на годологическом содержании идентификации. Отмечается различие между пребыванием в пути и ходом шествия. Подобное различие позволило выделить границу встречи как конститутивный принцип идентичности. Топос идентичности определяется как место противостояния, борьбы несовозможных друг другу подвижных тел. Делается вывод о диалоговой конституции идентичности.

Ключевые слова: идентичность, путь, диалог.

У статті розглядаються перипетії визначення ідентичності. Акцентується увага на годолічному змісті ідентифікації. Відзначається відмінність між перебуванням в дорозі і кроком поступу. Подібна відмінність дозволяє виділити межу зустрічі як конститутивний принцип ідентичності. Топос ідентичності визначається як місце протистояння, боротьби неспівможливих один до одного тіл, що рухаються. Робиться висновок про діалогову конституцію ідентичності.

Ключові слова: ідентичність, шлях, діалог.

The peripeteias of determination of identity are examined in the article. Attention is accented on hodos maintenance of authentication. Distinction is marked between a stay on the way and motion of step. This distinction allows distinguishing the border of meeting as constitutive principle of identity. Topos of identity is determined as a place of struggle between impossible mobile matters. Draw a conclusion about the dialogue constitution of identity.

Keywords: identity, way, dialogue.

Мир обречен сталкиваться с проблемой идентичности. В этой проблеме плавится и сущность мира – Истина, которая есть его единое имя, и способ существования этого мира, являющегося во множестве своих имен. В огне этой проблемы – загадка мира: его слаженности, вмещения, адекватности, признанности.

Где, как не в «вавилонском событии», мир извлекается из недр и обнаруживает себя в своей собственной космической ладности. В самом деле, вот здесь и как событие мир есть вот этим и не более, чем этим миром: миром в его собственной стати, идентичности.

Тайна «вавилонского события» состоит не в том, чтобы распознать «сынов человеческих», рассеянных по всей земле. Да и не в том, чтобы присвоить силу дара – обладать способностью различать смешенное. Эти два порядка исчерпывают себя результатом. В первом случае разгадка находится в артикуляции меры уравнивания. И говорится, следовательно, не столько об идентичности нечто, сколько о мере, которая уравнивает разное и предreshает исход. Во втором – идентичность нечто предположена императивом всеравенства. Это императивное требование кладет предел различию и таким образом идентифицирует нечто. Однако и в этом случае речь идет не столько о вот этом нечто в его собственной стати, сколько о святости императива. Таким образом, только лишь радение о результате, в котором и которым идентичность нечто предreshена и предположена – легкая работа. Ведь порой, чтобы не заниматься делом – проникнуть в тайну и проникнуться тайной, проще выйти за ее пределы: подчинить порядку либо уравнивания, либо всеравенства и окопаться. Может быть, поэтому Гераклит и восклицал, что «эту-вот Речь сущую вечно», «вечно люди не понимают и прежде,

чем выслушать, и выслушав однажды» [1, фр.1]. Действительно, легко оставаться в рамках того или иного порядка, освящая порядок решения или императив предположения. Труднее, вероятно, постичь саму предрешенность и предположенность: задержать и держаться того места, где нечто в своей собственной стати есть и, следовательно, потом доступно и измерению, и сравнению с другим. Не являются ли проблема идентичности призывом стать внимательным и осмотрительным, требованием не спешить, задержаться и держаться того, что есть.

Внятие того, что в наличии, есть само движение жизни. В движении необходимо различать самоценность пути (пребывание-в-пути) и движение отдаления-приближения (шествие-от-к). Вспомним, в этой связи, рассказ врача и жизнелюба Рабле об острове Годос, где дороги ходят [4, с. 665-667]. Пребыванием в пути, или то, что еще древние греки называли годосом, мир внимается как множественность: здесь всему есть место. Но движение жизни не исчерпывается постоянством хода. Путь идет твердостью шага. Преодолевая преграды, чекан шага оставляет след и мостит путь дальше и дальше. Резонансное сопряжение отдельности шагов в длительности пути и определяет жизнь как самоценный феномен. Поэтому движение жизни – не просто деятельная активность, но забота – внимательность и осмотрительность шествия в пути к очевидному богатству мира. В глаголе заботы освобождается энергия, которая открывает возможность и сущестительного быть. В заботе, таким образом, покоится мастерство, в чем и чем идентичность нечто обнаруживается.

В своем первоначальном смысле культура суть забота: и озабоченность тем, что есть в наличии, и заботливое споспешествование его явлению. Подчеркивая генетическое родство заботы и культуры, мы выделяем последнюю как путь идентичности. Именно культура суть ход пути, в котором чеканным шагом шествия открывается то, что есть, таким оно есть в своем очевидном и самостном лике.

Номадический модус культуры ориентирует на переформатирование концепта «идентичности». «Идентичность» – не позиция, когда нечто адекватно образцу или процессу поиска этого соответствия. В тавтологичности, когда ресурсов явно недостаточно, и парадоксальности, когда этих ресурсов в избытке, идентичность симулируется. Она либо возвеличивается в грезах о всеобщем равенстве, либо предстает как мера уравнивания множества элементов. Вообще в рамках «философии равенства» идентичность лишь представляется, разыгрывается и фигурирует реальные процессы.

Разрывая круг тавтологичности и парадоксальности, чеканный шаг пути акцентирует границу встречи несовозможных друг другу подвижных тел. Здесь – на границе встречи нечто только наличествующее открывается очевидностью лика своего и есть как вот это – определенное нечто. Именно граница встречи задает энергичность поля обнажения самостной стати наличного. При этом принципиальная напряженность границы встречи призвана предостерегать: нечто, ставшее уникальным, неповторимым, требует своего низвержения, вновь помещения в поле судящего сопряжения несовозможного друг другу, чтобы снова подтвердить свою единственность, отдельность. В этом вновь подтверждении никогда не повторяется то же самое и таким же образом, но утверждается граница, которая и дает всему возможность быть. В низвергающем подтверждении – границе *per se* состоит, таким образом, принцип идентификации.

Определение перипетий – изгибов и переломов пути идентификации – лишь часть задачи. Важно определить место: место, где несовозможное встречается. В разрешении этой задачи важным становится уже не столько принцип идентификации, сколько его реальная земная основа – топос идентичности. Обращение к концепту географии дает возможность почувствовать работу природных сил. Именно в борьбе с этими силами – в отдаривании (и в жертвоприношении, и в заботливом споспешествовании явления дарованного) ткется человеческие союзы, которые невозможно ни вывести из какой-либо структуры родства, ни свести к отношениям обмена между группами. Во встрече сил дарения и отдаривания ткется сеть отношений совместности: определяется практика, стратегия, и образуется никогда не находящаяся в равновесии социально-физическая система, или факт естественности социума, не имеющего ничего общего с замкнутым циклом адекватности обмена. Именно напряженность (противостояние, борьба, война) границы встречи суть то место, где ткется идентичность нечто.

Резонансное сопряжение несовозможного суть интенсивность события, его яркость, энергичность. И освобожденная в событии энергия упаковывается. Топос идентичности, таким

образом, – упаковка освобожденной энергии встречи. В своем упакованном виде он характеризуется и общностью пространства (в пределах которого пространство непрерывно), и протяженностью (длиной объекта и расстоянием между объектами), и структурой (размещением позиций). Топос пути идентификации подчеркивает отдельность, самобытность культур. Поэтому в топосе отпечатывают себя и коллизии истории, и социальные конфигурации.

Как упакованное место вмещения сил и как отпечатанный след топос нейтрален: он есть как место встречи несовозможных друг другу тел, но предстает, виден вне таковых. В этом смысле каждый топос уникален. Однако он не нейтрален как место размещения: в нем таится напряженность борьбы. Фактически, топос – это место присутствия власти. В этом плане можно говорить о власти как уникальном, единственном в своем роде явлении: ее лишь видимой нейтральности, которая фигурирует единство. В своем единстве она реализуется как феномен мира, зашивающий напряженность встречи сил; в своей уникальности – она адекватна историческому и социальному контекстам.

«Глобализация» – один из модусов нейтрализации напряженности во встрече несовозможных друг другу тел. Тематизация современных социально-культурных процессов как «воли к власти» – выражение мечты о снятии напряженности и мнимой необходимости зашить, спрятать борьбу, которая ведется на границе встречи. В этом плане глобализация – вызов идентичности.

Можно выделить несколько измерений «глобализационного контекста». Одно измерение – мировой тренд глобализации отношений. Шкала такого подхода позволяет определить современную культуру как процесс интенсификации миграции, активного перемещения информации и, как следствие этого, разрушение традиционно сложившейся системы доверия, когда становится тяжело мыслить мир в его целостности и конкретности. В то же время требование восстановления конкретности соблазняет к институализации мира на локальных участках. По сути – это требование локализации и экономии жизни. Это «локальное» измерение «контекста глобализации» позволяет определить современное состояние как «окопное». В этой «окопности» есть, по всей видимости, две стороны. Во-первых, мир соблазненный властью, которая зашивает, а потому нейтрализует борьбу, родит индивидуализм – силу неповторяемой уникальности. В нем все несовозможное мерится адекватностью ему; противное же – подавляется, уничтожается. Сегодня нет лучших; сегодня остались только единственные. С другой же стороны, каждая индивидуальная уникальность зажата между двумя «соседями». Понятно, что это «соседство» номинально: нет ничего, что нельзя измерить одной и только одной силой. Эти две стороны углубляют «окоп», формируя все более плотную, непрозрачную его атмосферу. Растет опасность безумия. Угроза безумия распределяется во времени. Время теряется: становится временем умножения и бесконечного роста – углубления «окопа».

Конечно, «контекст глобализации» не только таит в себе опасности, но и открывает дополнительные возможности. Дискурсивность, в которой обретает значимость процессуальная форма идентичности, вариативность и альтернативность, пара-логичность и релятивность эпистемологических принципов – то, что задает третье, «эпистемологическое», измерение «контекста глобализации».

Однако этот путь не столь прямой. Предостережения в отношении «эпистемологического» *mainstream*'а были сформулированы еще Фуко: в пределе знания – диаграмма власти; власть эпистемологична и знание загружено властью [5]. Может быть поэтому Фуко обращается к удовольствию, в котором силы знания и власти – совместны, но не образуют замкнутую систему. Удовольствие сродни глаголу путешествия. Являясь волей и виной удовольствия, глагол суть деяние, которое в довольстве довольствует уже наличное. В этой связи, удовольствие не просто калькулирование впечатлений, но озабоченность наличествующей множественностью мира, и его заботливое довольствие к полноте. Глагол удовольствия, длящийся в пути предшествующего ожидания грядущего не есть просто обмен и перемещение, но – шествие в пути, которое следует как сопряжение видения того, что есть в наличии, и узрения его стати. Только лишь внятие наличествующего и восхищение его явленной красотой не приносит удовольствие. Вот и мнение об уже прошедшем или либо грезе о будущем только нудят. Однако событие – мгновение ступания во след минувшего как ожидание грядущего – богато дарами. И его избыточность не позволяет расслабиться. Оно вызывает к решительности продолжения шествия, для того чтобы вернуть долг: ответить на

обязательство идентичности. Даже операция по скрещиванию знания и власти – обогащение власти знанием и наделение знания силой – бесплодна. Удовольствие-знание нацелено на другое: на решительность продолжения шествия, на право формулировать принципы и их низвергать. И если знание характеризуется своим углом зрения, то право удовольствия его менять. В удовольствии-знании важен не угол, а его смена, оборот. В самом этом верчении и заключена сила удовольствия-знания.

Таит в себе опасность и дискурсивная модус идентификации. В нем сохраняется «подлинный дуализм» слов и вещей, когда идентичность нечто обнаруживается как поиск значения, которое соответствует или нет той или иной вещи. В поиске соответствия факт присутствия самой вещи избыточен и нивелируется. «Дискурсивная идентификация» лишь один из способов симуляции идентичности. Как симулирует ее и коммуникация – своеобразный «защитный дуализм», когда встреча случается уже внутри *communis*: коммуницирует уже совозможное – причастное общности. Универсализированный в бесконечной коммуникации мир лишь фигурирует – мнится и грезится – как бесконечный. Он, скорее, изрыт окопами. А призрак коммуникации только консервирует существование «глобального окопа» и плодит демонов мнения и монстров фантазии. В окопе уже не говорится о возможностях движения на встречу: мир низведен к точке конца и результата. Кончилась и утопия: нет места ни прошлому, ни будущему, ни настоящему – пути, шествие по которому только и может гарантировать безопасность.

Не забываемый призыв Ницше напрямь волю и «переоценить все ценности» заставляет сбросить маску, однако еще не позволяет встретить мир таким, каким он есть: с одной стороны, в его множественности и сокрытости, с другой – выставленности на показ. В самом деле, «переоценивание» Сократа как возвращение равного ему Диониса, и понимание «свободы духа» как воли говорить «нет» там, где опасно – не безопасит. Сегодня на смену постсократическому Дионису Ницше пришел пост-Дионис, ведомый той же волей. Да и в простом «нет» – желание защититься: окопаться и закопаться. А что может быть прочнее окопа власти? Не случайно Гераклит говорит, что «не к добру людям исполнение их желаний» [1, фр.110]. Более того, опасность не опасна там, где она уже есть, и безопасно не там, где опасности нет. Потому даже ницшеанское «нет» – лишь бегство от опасности: оставляет опасность позади и боится, закрывает на опасность глаза и бравирует защищенностью, грезя о безопасности и представляя ее. В ницшеанском «нет» выпад против тирании мнения оборачивается тиранией грез. Таким образом, только лишь основанная на волеии защита, отнюдь, не безопасит.

Безопасность не там, где защищенность, а там, где действует натяжение. В этой связи простого ницшеанского «нет» уже недостаточно. Требуется решительный выбор в пользу и «да», и «нет»: выбор самого выбора, где граница, размыкающая «да» и «нет», покоит натяжение. Это уже выбор мира: не глубин либо высот, но вопрошание того *здесь*, где нечто в его собственной стати есть. Безопасно, таким образом, в пути, внимательное и осмотрительной шествие по которому являет лик того, что есть, каким оно собственно есть.

Перед смертью, Сократ говорит о страсти, которая еще в молодые годы захватила его: страсти понимания мира в ис/следовании [2, 96a]. Не мудрость его влекла, когда мир уже представлен как понятный, но страстно желал Сократ отточить мастерство, что приобретается в пути следования и которым мир открывается. Эта страсть питалась и физической привлекательностью мира, и желанием обнаружить то место, где бы этот мир открылся в своей удивительной красоте. Вот эта страсть видеть мир и навык рассматривания его – в которых и состоит, собственно, мудрость ремесленника – вели путь жизненного шествия этого странного древнегреческого мастера.

Мы назвали его странным, может быть только потому, что он горел страстью диковинного путешествия. Его путь шествия складывал и оборачивал в себе и рассеянную твердь подробностей, деталей – множественность мира, и его одноцелость; сокрытость нечто и его уже явленность. В этой связи не в темноте ночи путь проходил, и не при свете дня, но зарей – утренней ли, вечерней ли – шествие велось. Сопровождаемый зарей путь ис/следования идет не от неясного к ясному, но следует там, где тьма и свет соседствуют. Вот и Хайдеггер толкует древнегреческое ἀλήθεια не как «истина», но «несокрытость». До ясности еще далеко. Ведь изначально сокрытое должно открыть себя, и таким образом, чтобы оно стало годным к использованию. Только пройдя этот путь – от сокрытого через его изведывающее открытие к годности – нечто потом и используется таким, каким оно является.

Чудо этого путешествия состоит не только в его превращающей способности. Оно таит в себе загадку самого шествия в пути. В самом деле, вспоминая Парменида, скажем, что если знаешь куда идти, то и тьма не помеха; ежели знаешь как идти, то и свет не столь необходим. Но путь изведывания длится так, что не-тьма и не-свет метят место разомкнутости: границу, где ночь и день встречаются и соседствуют. Тайна путешествия – чудо соседства, когда граница встречи распоряжается соседствующими. Здесь на границе и тьма со светом рознятся, и жизнь, ночь и день примиряя, ведется. Граница, таким образом, не только отделяет различное и не только есть мера мирного сосуществования, но суть то место, которое соревнует, суживает и собирает ночь и день в их одноцелый круговорот. Фактически, все по праву существующее в единстве – суть в прохождении того пути, что судящим сопряжением шествует, и следование по которому мастерством изведывания мира признается. В таком путешествии и состоит динамическое единство жизни, пример которой оставлен эллином Сократом.

Мы говорим о «динамическом единстве жизни», когда изведывание мира идет, но не о процедурах или соотношения, или различия. Действительно, всеравенство и уравнивание всего зашивают ход следования в его отдельных шагах и являют мир не в его всеединой ладности, но как изрытый окопами и прикрывающий себя призраками Единого либо универсальной мерой единства. Вот и Сократ не был почитателем мудрецов и их угодливости. Он шел на улицы, где, захваченный миром, в живой беседе проявлял заботу о мире и упражнял его изведывание: призывал «беседовать, а не спать» и вернуть разговору его первоначальное, исходное место [3, 259d; 2, 99e]. Сократ требовал вновь и вновь возвращать мир и возвращаться к тому месту, которое судит и рассуживанием все пронизывает. Это – место диалога. Здесь не правильное слово в чести, но движение подвижного, которые своим ходом сближении и отдалении прокладывают путь, открывая и показывая мир в его собственной красе и благородстве. Мы называем это шествие в пути диалогом, и говорим, следовательно, о диалоговой конституции идентичности.

Диалоговое содержание идентичности не значит, конечно, что нечто очевидно звучащим словом, но означает, что идентично себе все то, что звучит как граница встречи одного и невозможного ему другого. Диалог не имеет своей целью прийти к консенсусу. Его задача в том, чтобы настраивать и заряжать энергией. Об использовании энергии можно расточать словеса потом. Только потом можно говорить об императиве равенства и мере уравнивания. Но этого *потом* может и не случиться, если нет самой возможности. Такой возможности, благодаря энергии которой то, что есть, очевидно есть. И диалог есть такая возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гераклит. Фрагменты / Фрагменты ранних греческих философов / Гераклит; [пер. с древнегреч. под редакцией А.В.Лебедева]. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С.176-257.
2. Платон. Федон / Платон. Сочинения в 3-х т. / Платон; [пер. с древнегреч. С.П.Маркиша]. – М.: Мысль, 1968. –Т.2. –С.11-94.
3. Платон. Федр / Платон. Сочинения в 3-х т. / Платон; [пер. с древнегреч. А.Н.Егунова]. – М.: Мысль, 1968. –Т.2. –С.157-222.
4. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Франсуа Рабле; [пер. с франц. Н.М. Любимова]. – М.: Издательство «Правда», 1991. – 776с.
5. Фуко М. Порядок дискурса / Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко; [пер. с франц. С.Табачниковой]. – М.: Кастиль, 1996. – С.47-96.